

БОЛГАРСЬКІ ТА УКРАЇНСЬКІ ЗЕМЛІ У СКЛАДІ ОСМАНСЬКОЇ І РОСІЙСЬКОЇ ІМПЕРІЙ

Л. В. Горина

ПРОФЕССОР МАРИН ДРИНОВ О БОЛГАРСКОЙ НАРОДНОСТИ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

В творчестве профессора Харьковского университета, крупнейшего ученого и общественного деятеля Марина Степановича Дринова магистральной являлась проблема идентичности болгарской народности со всеми необходимыми составляющими этой глобальной темы: историей, филологией, мифологией и лингвистикой болгарского этноса.

М. Дринов – славист высокого академического уровня, владеющий всем источником инструментарием науки славистики¹.

За изучение обозначенной проблемы М. Дринов взялся сразу же по окончании Московского университета в 1865 г., где он специализировался у профессора О. М. Бодянского, ставшего первым магистром новой, согласно университетскому уставу 1835 г., славянской кафедры в Московском университете. Как известно, указом императора Николая I подобные кафедры были в том же году учреждены в Петербургском, Харьковском и Казанском университетах.

Завершивший Московский университет, «кандидат наук», как значилось в полученном им аттестате, и одновременно домашний учитель в знатной российской семье Голицыных, в 1865–1870 гг. начинающий славист пополнял свой научный багаж, усердно занимаясь в архивах Западной Европы – Швейцарии, Чехии, Италии и Австрии.

Концепция генезиса, становления и развития болгарской народности формировалось ученым длительное время. Начало было положено монографией «Взгляд на происхождение болгарского народа», вышедшей в Вене в 1869 г., и нашло продолжение в последующих трудах ученого. Огромная эпоха жизни болгарского народа в рамках Османской империи, в условиях иной, чуждой славянской цивилизации стала непрременной темой научного творчества М. Дринова, и эта тема была предметом не только академического научного интереса: его, уроженца Болгарии, она касалась непосредственно.

Научные заключения и выводы проф. М. Дринов постоянно базировал на солидных источниках, нередко разыскивая и открывая новые документы, позволяющие изучать османский период болгарской истории. Так, в итальянских архивах им были обнаружены материалы: «Описание Турции» испанского священника Октавия Сапиенция (1672), «Описание Турции Маркантонио Барбаро» (1572), «Речь трансильванского воеводы Павла Джорджича» (кон. XVI в.), «Наставления Константинопольской патриархии»

(1630), «Известие о Маркианопольской католической епархии» (1654) и многие другие. Часть найденных им источников по османскому периоду болгарской истории М. Дринов сделал достоянием научной общественности. В 1876 г. он опубликовал болгарскую народную песню об обязанности болгар посылать своих детей в янычарское войско, в 1882 г. – болгарский летописный рассказ XVII в. Рукопись рассказа принадлежала его родному городу Панагюриште.

Специального анализа заслуживает статья М. Дринова «Историческое освещение статистики народностей в восточной части Болгарского княжества». Источником научных рассуждений стала проведенная в январе 1881 г. перепись населения, обнаружившая преобладание турецкого населения в восточной части Болгарии. Авторская задача была такова: когда, как и почему турки тут размножились? Почему именно в этих областях они увеличились до такой степени, когда в других частях княжества число их совсем ничтожно? Что стало с болгарским населением в тех староболгарских областях, которые сейчас, скажем, заселены турками?² Эти вопросы любопытны с многих сторон, и мы постараемся их по возможности прояснить.

Вначале ученый обращается к XV веку. Понадобились серьезные научные аргументы. В частности, нужно было опровергнуть миф, что турки при захвате полностью опустошили всю восточную часть Балкан, превратили ее в прах и пепел, и потому появилось название «Тузлук» (от турецкого – прах, пепел). В это время болгары исчезли с вышеупомянутых земель. С помощью лингвистических данных ученый доказывает, что «тузла» происходит не от турецкого слова, но от староболгарского названия «тузла» – соль. Точно так же слово «соль» – «тузла» встречается и в Боснии.

О малочисленности турецких гарнизонов в Болгарии в XV веке свидетельствовали данные о походе польского короля Владислава против осман в 1444 г. Войско европейцев было немногочисленным, но сумело быстро, без особого сопротивления, совершить путь от сербской границы до Варны. «И это малочисленное войско, – пишет Дринов, – не могло бы совершить такой поход за такое короткое время, если бы в крепостях Видин, Никополь, Шумен, Балчик, Варна и др. имелись достаточно сильные турецкие гарнизоны, и если бы около этих крепостей имелось достаточно густое турецкое население». Ученый делает вывод: «Около половины XV века турки еще не укрепились в околонунайской Болгарии... Сельское турецкое население было совсем ничтожно, число спахив... было малочисленно»³.

XVI век ознаменовался своими событиями, и о них пишет М. Дринов. Вновь понадобились презентативные источники. Достоверные исторические документы свидетельствовали о том, что в начале XVI века султан Селим начал кампанию по уничтожению христианских храмов и превращению их в джамии. В 1570 г. в Царьграде под председательством Вселенского патриарха Митрофана III собрался Синод, который решил ликвидировать самостоятельные Охридскую, Печскую и Тырновскую патриархии и подчинить их Вселенскому престолу. Указанное время, пишет историк, принесло и «татарское разорение», т.е. набеги татарских полчищ на Болгарию. М. Дринов в своем выводе о татарских набегах, особенно в XVI–XVII вв., опирается на данные болгарских народных песен.

О конце XVI века ученый судит на основании письменных источников, в частности, писем Павла Джоржича, отправленных польскому королю Стефану Баторию в 1595 г., где сообщалось, что болгары могут помочь объединенным европейским войскам в борьбе против турок. Эти письма М. Дринов считает важнейшими источниками, позволяющими судить о Болгарии конца XVI века. Впрочем, одно обстоятельство смущало: в Миланском архиве сохранился не оригинал, а копия этих документов, а копия, как это бывает, возможно, не точная. Но в этих письмах имелись ценные сведения о том, что в восточной части Болгарии много болгарских сел, и болгары числом превос-

ходят мусульман. Следовало обоснованное источниками заключение о том, что в конце XVI века в Восточной Болгарии проживало не более 150 000 турок (статистика 1881 г. насчитала 450 000 человек).

Самый конец XVI века отмечен тем, что турецкие султаны изменили свою политику по отношению к янычарам, которые из дворцовой гвардии превратились в обычных разбойников, особенно расплодившихся в восточной части Болгарии. Тем не менее, еще в начале XVII века численность болгар на востоке своей страны была велика, о чем свидетельствовали данные иностранных путешественников по Балканам. Вывод Дринова, основанный на данных источников, был таков: «В областях Добруча, Делиормана и Горилово, где сейчас имеется около 230 000 болгар и около 430 000 турок, в конце XVI века христианское (болгарское) население составляло примерно 400 000–500 000, а турецкое – около 150 000 человек»⁴.

Подчеркнем, что в целом ряде своих трудов, посвященных судьбе болгарского народа в XV–XVIII вв., ученый рисует впечатляющую панораму положения не только болгарского этноса, но и других славянских народов. В своих лекциях харьковскому студенчеству, верный своей методике построения лекционного материала, профессор озвучивает в аудитории обобщающие выводы: славянство именно в XVII в. очутилось на краю гибели; загнанность, бедность, грубое рабство стали уделом его. Именно о таком славянстве в Европе стали говорить как о народе отсталом и грубым. Лектор опирался на материал источников для доказательства ранее прозвучавших обобщающих выводов: «Я вошел в эти подробности, милостивые государи, дабы вы могли наглядно убедиться в том, что при таком положении дел в те времена не могло быть и речи о какой-нибудь славянской науке»⁵.

Ученый обращался не только к историческим проблемам, но и к филологическим и этнологическим. В одной из лекций профессор специально представил тему развития болгарской литературы XV–XVII вв., времени наименее изученного и ныне. Важным был вывод, что литературная деятельность как у болгар, так и у сербов продолжалась и в эти трудные времена. И главными творцами ее были монахи-отшельники, а также высшие духовные иерархи – сербские и болгарские. Дошли и сведения о существовании славянских училищ в разных частях подвластных туркам земель. Одно из них находилось в Софии, а работали они почти во всех монастырях, о чем свидетельствуют рукописные тексты того периода. Сведения о рукописных памятниках времени османского господства профессор сообщал своим студентам с большим удовольствием, т. к. охотно занимался изучением этих источников, хорошо их знал. По содержанию своему – читаем в тексте – рукописи XV–XVII вв. представляют собой по большей части списки с более древних памятников.

Далее следовал наиболее важный вывод: в их числе попадаются нередко и такие сочинения, которые были составлены или переведены еще в первые века турецкого ига. По сути это был гордый вывод М. Дринова как болгарина по происхождению о непрерывности духовной жизни болгарского народа, потерявшего многое, но сохранившего главное – духовность. Лектор рассказывал своим студентам о писателе Владиславе Грамматике, жившем во второй половине XV века, а его «Повесть о перенесении мощей Св. Иоанна Рильского из Тырнова в Рильский монастырь» называл «одним из лучших памятников древнеболгарской письменности». В лекции анализировался сложный агнографический жанр – жития болгарских новомучеников – Георгия Нового (Софийского) и Николая (Нового) Софийского. Поле южнославянской литературы пополнили переводы Слов и Поучений знаменитого греческого проповедника Дамаскина Студита (XVI в.). Профессор проводит четкую грань между периодом XV–XVI вв. и XVII веком, когда начала ослабевать и почти совсем прекратилась интеллектуальная жизнь

в Болгарии. Причину этого М. Дринов видел в натиске фанариотов на болгарскую культуру: фанариоты уничтожали славянские школы, истребляли славянские книги. Целые монастырские библиотеки, в которых хранились драгоценные древние рукописи, были истреблены поборниками эллинизма.

Важнейший период болгарской истории, начавшийся с середины XVIII в. и завершившийся освобождением страны от ига осман в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., именуемый национальным Возрождением, был для Дринова не только объектом исследовательского интереса. Для него это была сама современность, поэтому личная заинтересованность ученого в исследовании проблем новой болгарской истории была в данном случае максимальной. Профессор был не только историком этого процесса, но и его активным участником, особенно в период построения болгарской государственности вскоре после освобождения его родины от османской власти. Занимая высокие государственные должности в 1877–1879 гг., М. Дринов получил счастливую возможность опереться на научные результаты своих трудов при выработке практических решений и рекомендаций. Знания историка помогли Дринову отстоять свою идею о Софии как столице болгарского княжества. А весь арсенал славистических знаний был использован профессором на новом посту министра просвещения и духовных дел Болгарии. В 1879 г. министр М. Дринов в статье «Болгарский церковный вопрос в связи с Берлинским трактатом», защищая права болгарской церкви и опираясь на исторические источники, пишет: «Болгары едва ли не единственные из европейских народов, которые вместе с принятием христианской веры добились права иметь свою самостоятельную церковь...». В состав болгарской патриархии, хотя и в разное время, входили все епархии, которые находятся в областях, определенных Сан-Стефанским договором⁶.

В начале 70-х годов XIX ст. в связи с широко развернувшейся борьбой болгарского народа за самостоятельную, независимую от Константинопольской патриархии болгарскую церковь, Дринов обратился к изучению жизни и творчества болгарского писателя середины XVIII в. Паисия Хилендарского. В марте 1871 г. он закончил специальную статью о Паисии Хилендарском, которую в этом же году опубликовал в периодическом органе Болгарского научного общества. По единодушному признанию исследователей творчества М. Дринова, эта статья имела огромное значение для развития болгарской историографии, так как, в сущности, открыла великое дело крупного представителя национального Возрождения – Паисия Хилендарского. И после 1871 г. Марин Дринов многократно обращался к творчеству Паисия.

Еще в 1869 г. в своем труде по истории болгарской церкви он использует сведения, сообщаемые Паисием, для осуждения фанариотского ига в современной ему Болгарии. При этом он опирается на данные Г. Раковского о святогорском монахе и его знаменитой книге. Дринов объявил тогда читателям, что собирается написать книгу «обо всех предтечах и деятелях Болгарского возрождения».

К оценке труда и личности Паисия Дринов обратился в написанной им в 1871 г. на русском языке и опубликованной в Москве статье «Болгары и Константинопольская патриархия». Здесь им впервые высказывается мысль о месте Паисия в процессе болгарского Возрождения. «В половине XVIII века, – пишет Дринов, – появилась на болгарском языке книга, написанная иеромонахом Паисием, которую болгары справедливо ставят во главе своего возрождения. Вся книга есть жалобный вопль против греческой духовной власти, окончательно убившей болгарскую народность»⁷. В этой же статье Дринов оценивает значение Паисиевой традиции в болгарском национальном Возрождении. «В некоторых болгарских городах, – пишет историк, – смотрели на это сочинение как на священную книгу, которую хранили в церквях вместе с церковной святыней. К концу прошлого века замечательная эта книга сделалась предметом пере-

делок, в которых жалобный вопль Паисия преобразился в страшное негодование против греческой иерархии»⁸.

Центральное место в ряду исследований и высказываний М. Дринова о Паисии, несомненно, занимает его статья «Отец Паисий, его время и его ученики», где содержится тщательный анализ сочинения святогорца, находит отражение концепция болгарского национального Возрождения, ставится вопрос о начале и содержании этого важнейшего процесса новой болгарской истории. И в этой статье первую половину XVIII века в Болгарии, т. е. время, сформировавшее Паисия, Дринов считает «самым черным периодом» в истории болгарского народа. Если в предшествующие времена болгарский народ, по мысли Дринова, еще сохранял этническое самосознание, то к началу XVIII в. болгарская земля предстает в ином свете: «Ни одной утешительной черты, на которой мог бы отдохнуть утомленный тяжестью взгляд, никакого признака духовной жизни, ни в чем не проявляется народное сознание»⁹.

Главную причину этого тяжелого положения Дринов видит в фанариотском гнете. Эта статья ученого, как и большинство его произведений, насыщена большим патриотическим зарядом и тесно связана с современными Дринову задачами болгарского Возрождения. Она имеет многие полемичные выводы. К ним принадлежит и следующий: ошибаются те, которые из факта тяжелого положения болгар в XVIII в. делают заключение «о ничтожестве болгарского народного характера, о неспособности болгар к долгой исторической жизни». В этой же статье нашел место чрезвычайно спорный и уязвимый для критики вывод ученого: «Наш народ был мертв в начале XVIII века, болгары уже не существовали как народ, а представляли собой собрание людей угнетенных, подавляемых, разрозненных»¹⁰.

Важной частью статьи историка являются сообщаемые им сведения о списках труда Паисия. Один из них, известный Г. Раковскому, так называемый «Жеравненский (Априловский)», Дринову получить не удалось, хотя в бытность свою в Одессе он старался его разыскать. Дринов воспользовался «Калоферским» списком 1829 г., представленным ему болгаринном Н. С. Тошковичем, «Дряновским» 1838 г. и списком, принадлежащим его учителю, профессору О. М. Бодянскому, правда, дефектным, содержащим лишь две главы сочинения Паисия. Дринов имел возможность, таким образом, воспользоваться тремя списками книги. Ему было известно также о существовании «Котленского (Софрониева)» списка 1765 г., а также трех списков, в которых «История» Паисия была исправлена и дополнена – рукописью Н. Герова и двух А. Ф. Гильфердинга. К настоящему времени источниковая база изучения «Истории славяно-болгарской» значительно расширилась: современным исследователям известны свыше четырех десятков ее списков.

Судьба болгарского народа в составе Османской империи на протяжении полутысячелетия получила достаточно подробное освящение в творчестве профессора Дринова как историка. Но важно еще раз подчеркнуть, что ученый был не только историком, а славистом в самом широком смысле этого слова, т. е. и этнологом, и филологом, что дало ему возможность ставить и решать сложнейшую проблему идентичности болгарского этноса указанной эпохи, включая и такие ее составляющие, как взаимоотношения с соседними этносами. Еще в начале своего научного пути, в 1870 г., М. Дринов обратился к лингвистическим проблемам. Им была написана статья «О новоболгарской азбуке», которая начиналась буквально программным заявлением автора: «Одна из главных забот Болгарского Научного Общества – изучение болгарского языка – самой первой нашей национальной опоры... Нет сомнений в том, что от разработки одного общего языка для всех болгарских областей во многом зависит утверждение нашей народности и успех нашего национального развития»¹¹.

Последующее содержание статьи – это целая программа лингвистического направления новорожденной болгарской Академии наук. М. Дринов подчеркивал, что для оформления общей письменности необходимо принять одинаковое правописание согласно с духом и свойствами народного языка. Ученый отдавал себе отчет в том, что процесс этот сложен по многим причинам: в начальной стадии развития находится болгарская лингвистика, сложны поиски форм языка, и нужен путь к единому, общему правописанию.

Вторую часть своей статьи М. Дринов посвятил «Краткому историческому обзору болгарской азбуки» с целью показать исторический путь ее развития. И вновь понадобились как исторические, так и лингвистические методы исследования. Ведь речь шла об азбуке, употреблявшейся в средневековой Болгарии еще во времена Черноризца Храбра и Св. Климента Охридского. Азбука – живой организм, полагал ученый, способный к развитию и самосовершенствованию. Развитие болгарской письменности сложилось таким образом, что в рукописях XVI–XVIII вв. встречаются много правописных погрешностей. XVIII век преподнес свой сюрприз: на одном книжном болгарском поле столкнулись две азбуки – староболгарская и церковнославянская. К концу XVIII в. староболгарская азбука все более уступала свое место церковнославянской. Проблемы болгарского правописания перешли и в XIX век, отмечает Дринов, и их необходимо решать. Вставал сложный вопрос: какой должна быть болгарская азбука? М. Дринов ставил его не только в теоретической, но и в сугубо практической области: в каком правописании нуждается болгарское общество? Этот вопрос прошел через всю творческую судьбу исследователя.

Марин Дринов был среди ученых, которые создали теорию болгарского языка, включая исторический принцип его построения. Одну из своих статей на эту тему М. Дринов публикует в Румынии, в Бухаресте, в газете «Народност», 1868 г., № 4. Отметим, что в авторской библиографии своих трудов он озаглавил эту публикацию «Что нужно делать болгарам?». В печати же статья появилась под другим названием: «Письмо к болгарской интеллигенции». Впервые появляется подпись – Дринов-Божков. Болгарскому народу надо быть духовно сильным, способным в науке, ремесле, торговле, но этого еще недостаточно для национального развития и процветания, полагал ученый. М. Дринов усматривает национальные интересы Болгарии в развитии языка, веры, народного образования, литературы и общественного мнения. В этой составляющей Дринов отводит языку место первой нравственной силы, которая связывает тысячи людей в одно нравственное тело, в один народ. От усовершенствованного языка, от его силы и чистоты зависит духовная крепость народа. Постановку научных задач М. Дринов связывает с их практическими проблемами. «Словарь свой еще не имеем, не имеем хорошо написанной грамматики»¹². Надежды на разрешение указанных проблем ученый возлагал на просвещенных соотечественников, на болгарскую интеллигенцию.

Жанр публицистического и научного сочинений различен. В творчестве Дринова уже на первом этапе становления его как ученого-слависта оба жанра гармонично сосуществуют: серьезные научные доводы помогают формулировать яркие публицистические идеи для решения актуальных практических задач. Так, в статье «Письмо к болгарским читателям», опубликованной в октябре 1869 г. в газете «Македония», Дринов подчеркивает значимость законов и свойства языка, его духа, а затем говорит о практическом инструментарии лингвистических изучений. Разработанность и характеристика этого инструментария делает указанную работу по своему уникальной. Перед болгарскими читателями, которые Дринов считал самыми просвещенными и самыми деятельными силами в Болгарии, ставилась задача изучения всех болгарских наречий и говоров, а также изучение истории болгарского языка, его изменений при всех случаях.

Обратимся и к лекционной практике профессора Дринова. Он рассказывал харьковским студентам об эволюции болгарского языка. Лишь владеющий всеми методами общей славистики ученый, каким являлся Марин Дринов, мог дать столь компетентные оценки развития фонетики и лингвистики в целом, каковые прозвучали в одной его лекции: «Наша фонетика остается все еще недостаточно разработанной, а известно, что новая лингвистика на фонетике воздвигает свое величественное здание. Причина этого несовершенства заключается в недостаточной еще обработке отдельных славянских наречий. Вспомним, что еще недавно только начали обращать внимание на изучение диалектов отдельных наречий, вспомним, что есть еще целое наречие славянское, весьма важное по своим близким отношениям к древнеславянскому языку, разумею – новоболгарское наречие, которое не имеет еще порядочного словаря и грамматики, не говоря уже о его диалектах, которые совсем еще не початы или затронуты неумелыми руками»¹³.

Важной особенностью трудов Марина Дринова, относящихся в том числе и к османскому периоду, была, как уже подчеркивалось, соединенность филологических и этнологических приемов при анализе источников. Нередко опираясь на весь комплекс славистических материалов, профессор вступал в полемику, отстаивая научную истину. Так случилось в 1887 г., когда появилась сначала статья, а затем и сборник статей российского ученого Н. В. Ястребова о дебрских славянах. Дринов откликнулся на эти публикации своим исследованием «Несколько слов о языке и народных песнях и обычаях дебрских славян». Темой полемики стал язык македонских (болгарских) говоров в Дебрской области. Свой отзыв на статью Н. В. Ястребова Дринов начал с историографического напоминания о том, что тематика дебрских славян уже была предметом интереса, в частности, ею занимался известный сербский просветитель Вук Караджич, который дал им характеристику и высказал свои соображения относительно болгарской азбуки. Караджич ссылается на т. н. «Москопольскую книгу» конца XIII века, признавая ее болгарское происхождение. О болгарском характере области Дебра говорил и русский славист В. И. Григорович. «О каких либо сербских поселениях в Македонии, – подчеркивает Дринов, – Григорович не упоминает ни единым словом, несмотря на то, что он изъездил эту страну вдоль и поперек. Характеризуя западное или македонское наречие болгарского языка, он не ограничился указанием важнейших общих признаков его, но отметил и частные особенности некоторых македонских говоров, в том числе и Дебрского»¹⁴.

Болгарскими признавал Дебрские памятники и хорватский ученый Станко Враз, который издавал дебрские песни. Издавал их и комментировал также Стефан Веркович; последний – Дринов называет его сербом из Боснии – считал македонских славян болгарскими, песни болгарскими... и во время продолжительных странствий по Македонии... нигде не находил там сербских поселений... Страна эта, по его словам, населена народом, говорящим на самом чистом болгарском языке, начиная от самой северной границы – горы, называемой Люботронь (северо-восточная оконечность хребта Шарпланины), и до самой южной границы, т. е. Средиземного моря. Далее М. Дринов говорит об издании «Болгарских народных песен» братьями Миладиновыми, значительную часть которых они записали в Струге, на границе Дебрского округа, сделав тем самым значительный вклад и в болгарскую диалектологию. Ученый отмечает далее, что ему удалось найти и обнародовать одну дебрскую песню в журнале «Периодическое списание» (1876, кн. XI–XII). Отметим, что историографическая оснащенность статьи Дринова о дебрских славянах весьма солидна – он ссылается на труд А. Ф. Гильфердинга «Поездка по Герцеговине, Боснии, Старой Сербии», в котором российский ученый подчеркивает: «Дебрский округ состоит из болгар».

Далее на историческом фундаменте ученым строятся лингвистические доказательства принадлежности говора дебрского населения к болгарскому языку. В частности,

он выявляет лингвистические ошибки Ястребова при передаче текста народных песен и вновь повторяет свой вывод: «Особенности Дебрского говора составляют такие типические явления, соединение которых создает в славянской семье отдельную особь, отдельную народность, которую принято называть болгарской»¹⁵.

Следующий раздел статьи М. Дринова – этнографический, т. к. в нем речь идет об обычаях и обрядных песнях славян, в частности о празднике «Славы» – такой праздник, а именно чествование отдельными семьями или целыми общинами дня своего покровителя, был только у сербов, полагал Ястребов.

М. Дринов абсолютно не согласен с этим выводом. Прежде чем приступить к источниковым доказательствам, он ссылается на труды известного российского ученого Н. А. Кулаковского, по мнению которого «следует быть осторожным в вопросе принадлежности того или другого обычая тому или другому славянскому племени. Известно, что сербы даже определяют границы своего племени празднованием «Славы», но один обычай еще ровно ничего не говорит в пользу той или другой этнографической границы племени». М. Дринов сразу формулирует свой основной вывод: «Занимающий нас здесь праздник существует не у одних сербов, но и у болгар, у греков, у румын, у православных албанцев, наконец, у русских, словом у всех православных христиан Европы»¹⁶.

Ученый останавливается на русских и болгарских праздниках этого рода, опираясь на разного вида источники, в том числе «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии», и на выводы историографии. Историк ссылался на мнение известных российских библеистов А. Горского и К. Невоструева относительно праздника «Славы» в житии Феодосия Печорского, а также на труд профессора Н. Ф. Сумцова о подобных праздниках в российских губерниях. Вывод М. Дринова был таков: «В Болгарии существуют все виды занимающего нас праздника: и семейный, и сельский, и еснафский*, и приходской, и наконец училищный»¹⁷.

Весьма интересный доказательный материал общности славянского эпоса представляет материал об известном балканском герое Марко Кралевиче. По мнению М. Дринова, это герой не только сербского, но и болгарского эпосов, что находит подтверждение в источниках: например, в сочинениях средневековых писателей Владислава Грамматика и Михаила из Островиц, а также в работах В. Ягича. Завершающий статью вывод базируется на множестве источников, и его можно считать научно доказанным. «Итак, – пишет М. Дринов, – все дебрские песни, признаваемые рецензентами сборника г-на Ястребова за особенно любопытные в том или другом отношении, были известны и раньше, да притом большей частью в лучших и исправнейших болгарских списках»¹⁸.

Еще одна статья М. Дринова – «Первая болгарская типография в Солуни и некоторые отпечатанные в ней книги» – касалась «македонского вопроса». И не только его. Ученый специально подчеркивал значение Солунской типографии в деле Болгарского просвещения: «Хочу сказать, – писал М. Дринов, – что в Солуни прежде всего появилась болгарская типография, и она дала импульс открытию болгарских типографий в Царьграде, а затем и в других городах. Таким образом, этому же городу, где в старое время возникло славянское просвещение, было суждено стать колыбелью болгарского книгопечатания. Об этой первой болгарской солунской типографии, впрочем, почти забыли; о ней упомянули лишь З. Орфейков и В. Стоянов».

Нами уже отмечалось, что ученый брался за перо в тех случаях, когда изучаемый сюжет или сильно запутан, или вовсе неизвестен. В данном случае сюжет был полузабытым, и М. Дринов сообщает читателям сведения по истории этой типографии – ее открытию в 1838 г. и дальнейшем развитии. История возникновения типографии привела ученого к выводу, что ее основатель – Хаджи Феодосий – был родом из Западной

* Т. е. мещанский (городской).

Болгарии (Македонии) и что «это никого не должно удивлять, т. к. македонские болгары начали пробуждаться раньше восточных. Достаточно вспомнить, что македонцы и Паисий, с которого началась история болгарского Возрождения, и Кирилл Тетовец Пейчинович, и Неофит Рилски., и Христки Павлович Дупничанин, и Иоанн Димитриевич Охридянин (один из первых болгарских книгоиздателей в Царьграде), и многие другие из первых деятелей Возрождения болгарского народа»¹⁹. О самой типографии писал российский ученый В. И. Григорович, отметивший, что она была основана природным болгаринном Феодосием, архимандритом Синайским.

Благодаря большой источниковедческой работе М. Дринову удалось впервые представить книги, изданные в болгарской типографии в Солуни, книги, «которые стали такой редкостью, настолько неизвестными, что и в Иречековой болгарской историографии не упомянута ни одна из них». Некоторые книги М. Дринов характеризует подробно, как, например, «Написание Святогорских монастырей», опубликованной в 1839 г. – она была одной из первых, изданных в Солунской типографии. История этой книги достаточно любопытна. Она была опубликована не только в Солуни, но и в 1877 г. российским «Обществом любителей древней письменности», славная издательская деятельность которого началась именно с этой публикации. Внимание общества книга привлекла, потому что напечатана она была в родном городе Св. Славянских первоучителей и стала большой библиографической редкостью. В статье М. Дринова находим тщательное текстологическое описание упомянутой книги, анализ ее языка, а именно употребление как церковнославянского, так и народного болгарского, одного из македонских говоров. Книга, подчеркивает ученый, стала буквальным путеводителем для болгарских паломников на Св. Гору Афон.

Особенно ценным изданием Солунской типографии М. Дринов посчитал книгу «Утешение грешных» иеромонаха Кирилла, который был родом из Македонии, точнее, из Тетовского края. Как отмечено в предисловии к книге, иеромонах Кирилл писал на простом болгарском языке областей Мизии, Скопской и Тетовской. Для защиты своей характеристики иеромонаха Кирилла как болгарского священнослужителя М. Дринову пришлось совершить большой источниковедческий экскурс в область исторической географии, привлечь в «свидетели» данные надежных исторических источников, в том числе и византийских.

Тщательным источниковедом М. Дринов предстает в статье «Медно (бакърено) гумно и меден ток». В ней звучит весь оркестр комплексной славистики: источники исторические, филологические и этнологические. Сюжет статьи: смысл и значение самих терминов, которые были искажены в сербской историографии. Ученый совершает научный экскурс в славянскую мифологию, подчеркивая, что «медные гумна» – это мифические вещи, плоды народной фантазии и не более того. Эти мифы встречаются у многих славянских народов – русских, словаков, болгар, сербов и даже у греков. С этими мифами ученый и знакомит читателей. Сведения об этих мифах М. Дринов находит в самых ранних источниках. Так, в одном сборнике из Панагюриште, переписанном в XV–XVI вв. со старого болгарского протографа, встречается рассказ о медном токе (медном поле). Возможно, что медное поле называлось также и «овче поле», полагает ученый.

М. Дринов подчеркивает, что не всегда стоит верить мифам, но сами мифы и предания могут стать объектами научного изучения.

Итоговым ответом на вопрос о судьбе болгарского народа стала публичная лекция, прочитанная профессором М. Дриновым в Харьковском университете в ноябре 1876 г., т. е. вскоре после кровавого подавления Апрельского восстания. Это был рассказ о его путешествии в Болгарию летом 1875 г., когда он посетил Филиппольскую область, центр будущего восстания. Именно в указанной публичной лекции профессору удалось

расставить главные акценты в истории Болгарии XV–XIX вв. Они таковы: в конце XIV века болгар постиг погром, от которого они и до сих пор не могут оправиться и который чуть было совсем не похоронил их – это было турецкое нашествие. Еще один акцент – болгары пострадали от османского нашествия более других народов. И еще один – болгары не сидели, сложа руки, – они боролись, они восставали при освобождении Валахии, Молдавии, Венгрии, восставали и во времена попыток европейских государств изгнать турок из Европы. Восстания болгар подавлялись и топились в реках крови.

Считаем необходимым прибегнуть к обширному цитированию, поскольку находим в авторском тексте точные сжатые характеристики целой эпохи. Историк пишет: «Кровавые бани, несколько раз повторяющиеся в XVI и XVII веках, довели злополучный народ до крайнего оцепенения: вожди перевелись, церковь – единственная кормилица национального духа – очутилась в руках константинопольских греков фанариотов, послушных клеветов турок и ловких авантюристов. Национальное духовенство было заменено фанариотами, которые явились сюда, с греческими книгами не замедлили наложить руки и на национальное просвещение болгар, принужденное вследствие этого укрыться в немногих монастырях и захолустьях. Благодаря усердию фанариотов около конца прошлого века болгарский народ казался уже умершим. Его воскресил, главным образом, гром русского оружия, с начала нынешнего столетия начавший раздаваться на Нижнем Дунае. Медленно ни для кого незаметный возрождался совершенно забытый народ... О болгарях стали говорить лишь с пятидесятих годов, когда возрождение их продвинулось настолько, что они могли вступить в борьбу с фанариотами за восстановление своей национальной церкви. После двадцатилетней упорной борьбы болгары, наконец, добились того, что национальная церковь их, хоть и отчасти, была восстановлена. Этим актом ... было положено первое основание новой самостоятельной духовной жизни болгар. Тут Европа, да и сами турки узнали, что участь самой Турции тесно связана с участью этой ее райи»²⁰.

Таким образом, историк впервые рисует целостную картину положения болгарского народа в Османской империи, опираясь на данные пусть об одной, но важнейшей области Болгарии – Филиппопольской, картину экономического, социального и духовного положения болгар накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В целом же время османского владычества в Болгарии профессор М. Дринов характеризовал резко отрицательно. Свою публичную лекцию в Харьковском университете он завершил словами: «Будем надеяться, что кровь десятков тысяч жертв, обагрившая поля и горы Филиппопольской области, есть кровь искупления всего болгарского народа от векового рабства»²¹.

Подводя итоги, отметим, что в научном творчестве профессора Марина Дринова «османская тематика» истории Болгарии представлена в значительной степени темой прежде всего духовной жизни болгарского этноса во всем ее многообразии – историческом, филологическом и чисто этнологическом. Всеми своими трудами он давал ответ на вопрос: как и каким образом удалось сохранить свою идентичность болгарскому народу, попавшему в самое тяжелое, по сравнению со своими балканскими соседями, положение в составе Османской империи.

Подчеркиваем, что Марин Дринов был, прежде всего, медиевистом, который изучал преимущественно средневековую историю Болгарии. И это был его большой вклад в формирование исторического и национального самосознания болгар и возобновление идеи преемственности от первых двух независимых Болгарских царств к третьему, возникшему после освобождения Болгарии. Яркое подтверждение тому – вступительные строки к сочинению М. Дринова «Взгляд на происхождение болгарского народа и начало болгарской истории». Историк пишет: «Принужденный жить несколько веков в духовном рабстве, наш народ в эти черные века не только не мог двигаться вперед

по пути просвещения, но он должен был потерять и то драгоценное последнее, которое ему собрали на этом пути его предки. И эта потеря еще не все: в эти тяжкие века болгарский народ должен был еще и забыть, что имел таких предков... представляя себя отрезанным от мира, как несчастный сирота между другими народами, без прошлого, без истории, без предков. И одно недостойное чувство должно было после этого охватить душу болгарина, чувство, которому имя самоуничижения и которое сильно мешает болгарскому самостоятельному народному развитию. И от этого недостойного и зловредного для нашей народности чувства мы легко можем избавиться путем изучения нашей народности вообще и особенно нашей истории»²².

Таковым было ответственное заявление историка, начинающего в ту пору (в 1869 г.) свой путь в большую науку.

¹ Литература о М. С. Дринове как слависте представлена трудами специалистов соответствующих отраслей науки славистики. Подавляющая часть исследований приходится на историческую ее составляющую. И в то же время есть, пусть немногочисленные, труды, посвященные тематике «М. С. Дринов как этнограф и фольклорист, литературовед и лингвист». В этом ряду укажем на работы: *Романска, Ц.* Марин Дринов като етнограф и фолклорист. – В: Изследвания в чест на Марин Дринов. С., 1960; *Попов, К.* Принос на Марин Дринов за устройството на книжовния ни език. – В: Изследвания в чест на Марин Дринов. С., 1960; *Тодоров, Д.* Българската етнография през Възраждането. С., 1969; *Жерев, Ст.* Българското книжовно дружество и възрожденските теоретични възгледи за националния характер на новобългарския книжовен език. С., 2007. Автору представенной статьи принадлежит монография «Профессор Марин Дринов – основоположник болгарского академического славяноведения» (С., 2009).

² *Дринов, М.* Историческо осветление върху статистиката на народностите в източната част на Българското княжество. – В: Съчинения на М. С. Дринов. Т. 1. С., 1909, 521–548.

³ Там же, с. 528.

⁴ Там же, с. 529.

⁵ *Дринов, М.* Успехи и задачи славяноведения. – В: Съчинения на М. С. Дринова. Т. 3. С., 1915, 509–519.

⁶ *Дринов, М.* Българският църковен въпрос в свръзка с Берлинския трактат. – В: Съчинения на М. С. Дринова. Т. 3. С., 1915, с. 59.

⁷ *Дринов, М.* Болгары и Константинопольская патриархия. – В: Избрани съчинения. Т. 2. С., 1911, с. 176.

⁸ Там же, с. 177.

⁹ *Дринов, М.* Отец Паисий, неговото време, неговата история и учениците му. – В: Избрани съчинения. Т. 1. С., 1911, с. 163.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Дринов, М.* За новобългарското азбуке. – В: Съчинения на М. С. Дринова. Т. 2., с. 264.

¹² Там же, с. 269.

¹³ Архив на БАН, ф. 104, оп. 1, ед. хр. 3, л. 2.

¹⁴ См. в: Съчинения на М. С. Дринова. Т. 1., с. 367 и сл.

¹⁵ Там же, с. 384.

¹⁶ Там же, с. 392.

¹⁷ Там же, с. 423.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Дринов, М.* Първата българска типография в Солун и някои от напечатаните в нея книги. – В: Съчинения на М. С. Дринова. Т. 2., с. 425.

²⁰ *Дринов, М.* България накануне её погрома. – В: Съчинения на М. С. Дринова. Т. 3., 27–28.

²¹ Там же.

²² *Дринов, М.* Поглед върху произхождението на българския народ и началото на българската история. – В: Съчинения на М. С. Дринов. Т. 1., с. 5.